

ПРОФАННЫЙ И САКРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ЖИЛИЩ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ НЕОЛИТА *

Т. В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 5 декабря 2015 г.

Аннотация: статья посвящена вопросам становления традиции строительства, функционирования и восприятия жилищ переднеазиатскими сообществами переходной эпохи к неолитическому образу жизни на примере северомесопотамских материалов.

Ключевые слова: эпилеолит, неолит, Передняя Азия, Северная Месопотамия, жилища, оседлость, «революция символов», domestикация.

Abstract: this paper is devoted to the issues of constructing, functioning and perceiving human dwellings among the communities of Southwestern Asia in a transition to the Neolithic. The case study is based on the data from Northern Mesopotamia.

Key words: epi-Paleolithic, Neolithic, Southwestern Asia, Northern Mesopotamia, dwellings, settled life, "Revolution of the Symbols", domestication.

Переход к неолиту в первую очередь ассоциируется с оседлостью, технологическими изменениями в производстве орудий, началом domestикации растений и животных. Северомесопотамский регион, являясь центральной частью Плодородного полумесяца и отличаясь определенной спецификой в свиде-

тельствах материальной культуры, включает в себя три из выделяемых сейчас переднеазиатских очага становления производящего хозяйства, локализуемых в Северной Сирии, Юго-Восточной Турции и Северном Ираке (рис. 1).

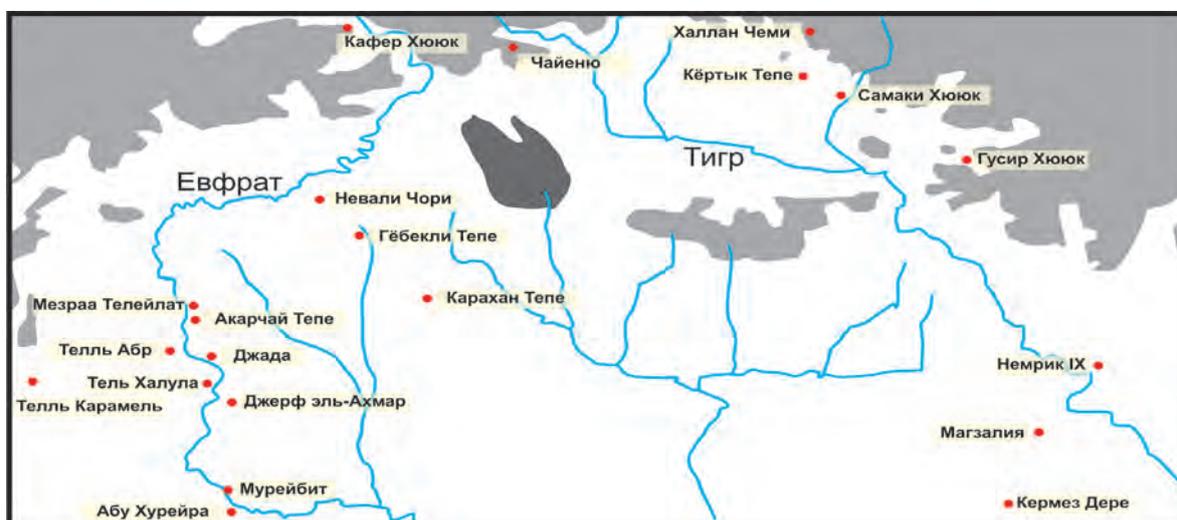

Рис. 1. Карта Северной Месопотамии с основными эпилеолитическими и неолитическими памятниками

Еще в статьях начала 90-х гг. прошлого века, опираясь отчасти на более ранние разработки Ж. Ковэна и И. Ходдера, Т. Уоткинса; автор раскопок Кермез Дерё (Северо-Западный Ирак), при сравнении свидетельств своего памятника и соседнего ему Немрик IX

с материалами эпилеолита Леванта, высказал предположение о формировании именно у жителей поселений Северной Месопотамии в самом начале докерамического неолита особой концепции «дома». На первый взгляд, углубленные в землю почти круглые в плане конструкции известны и по памятникам Леванта натуйфийского времени, и по данным Северной Месопотамии этапа PPNA. Однако в начале докерамического неолита (X тыс. до н. э.) на территории

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-51-00019.

© Корниенко Т. В., 2016

поселений Верхнего Двуречья, по наблюдениям Уоткинса [1; 2], фиксируются некоторые новшества, которые указывают на значительное изменение в отношении к жилищу. Прежде всего, это повышенный интерес к внешнему виду постройки. В отличие от натуфийских домов, полы и стены строений докерамического времени были покрыты глиняной или известковой штукатуркой. При этом свидетельства Кермез Дерев и других поселений раннего неолита Северной Месопотамии указывают на частый ремонт и смену штукатурки, на обновление внутренних конструкций в помещениях. Возведение новых домов на остатках предшествовавших (рис. 2, 1) в то время, когда вокруг было много свободного пространства, предполагает, что определенное значение придавалось преемственности в выборе места для строительства. Следующая черта – скрупулезное внимание к чистоте дома. В отличие от натуфийских домов в помещениях Кермез Дерев бытовой мусор не выявлен. Еще одна особенность связана с предыдущей – вынесение хозяйственных видов деятельности за пределы дома. Приготовление пищи, производство орудий и других вещей, обработка продуктов, судя по имеющимся свидетельствам, осуществлялась не в жилищах, а на специальных выделенных общественных участках поселения. Наконец, наличие единой конструкции из одной или двух пар колонн, перемычки, связывавшей колонны, и нескольких

каменных внутри построек в Кермез Дереве и Немрик IX явилось, по Уоткинсу, наиболее очевидным проявлением наполнения дома символическим содержанием. В частности, в каждом углубленном в землю овальном плане строения, исследованном на Кермез Дереве, перпендикулярно оси симметрии помещения в его центральной части находилась одна или две пары колонн с моделированными вершинами (рис. 2). Их основания служили известняковые вертикально установленные столбы, углубленные в пол и покрытые глиняной штукатуркой. В нескольких случаях колонны ремонтировались и даже переносились в другое место, однако место древнейшей пары при этом специально отмечали на новом оштукатуренном полу. Колонны одной пары соединяла низкая перемычка, сделанная из глины. Иногда перед этими конструкциями вкапывали камни или располагали иные объекты. Т. Уоткинс подчеркивает, что колонны не являлись несущими [2, р. 64–68], как они были ранее определены С. Козловски и А. Кемписти для строений Немрик IX, где высота наиболее хорошо сохранившихся объектов достигала 120 см [3, р. 359]. Зафиксированная первоначальная высота некоторых стел в постройках Кермез Дереве была более метра, другие не достигали и полуметровой высоты [2, р. 68]. Присутствие в домах Кермез Дереве колонн с моделированными вершинами, вероятно, имело символический смысл, конкретное содержание которого определить сложно.

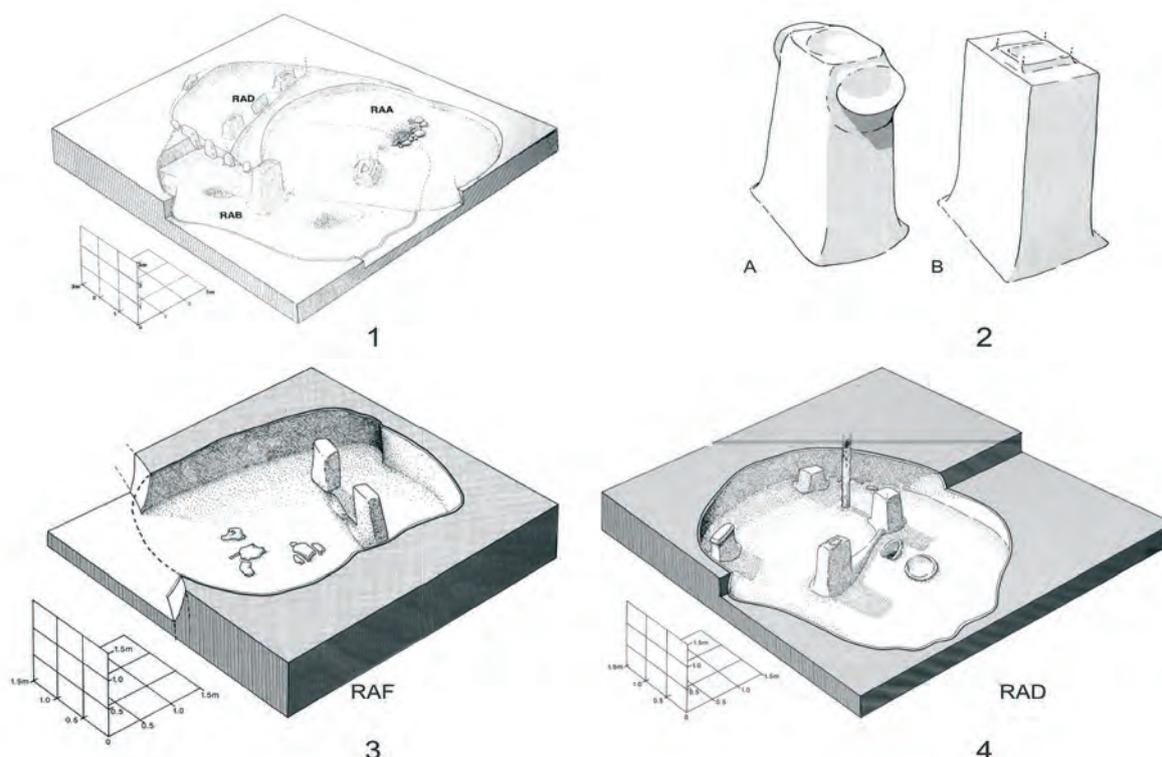

Рис. 2. Жилища Кермез Дерев, реконструкция: 1 – структура RAD, возведенная на месте предшествовавших структур RAB и RAA; 2 – первоначальный (А) и финальный (В) варианты моделированных колонн в структуре RAB; 3 – структура RAF; 4 – структура RAD (по: [1, fig. 3, 4; 2, fig. 2, 3])

Авторам раскопок Кермез Деро было трудно понять, остатки жилищ они открыли или сакральных сооружений, в качестве которых дома с колоннами были интерпретированы в первых публикациях. По завершении использования дома Кермез Деро умышленно разрушали и засыпали. Также зафиксирован обычай помещения отделенных от скелета черепов внутрь этих построек, перед тем как их покидали [2]. Раскопки последнего сезона (1990 г.) показали наличие других строений такого же типа на поселении. Это был единственный вид построек, открытый в раскопанной части памятника. Соответственно сооружения, в центре которых располагались пары стел с моделированными вершинами, сейчас признаны обычным типом домов на Кермез Деро.

В Немрик IX технологии строительства, планировка и внутреннее обустройство жилищ за длительную историю существования, возможно, с перерывами, этого раннеолитического поселения (PPNA, PPNB) претерпели заметную эволюцию [3; 4]. На более раннем этапе, в эпоху PPNA (рис. 3, 1, 2), колонны представляли собой углубленные основаниями в пол и установленные на некотором расстоянии друг от друга, как правило, две пары деревянных столбов в центральной части углубленных в землю кругло-плановых строений ($d - 5-6, 7-8$ м). Основания столбов укреплялись камнями. На более поздней стадии функционирования поселения, переходной от времени PPNA к PPNB (рис. 3, 3), пары деревянных столбов постепенно заменяются парами сделанных из известковой глины (marl) массивных и прямоугольных в срезе ($1,2 \times 0,7$ м) колонн, которые размещались теперь на полах субпрямоугольных домов ($8-6,5 \times 7-5,5$ м, длинная ось ориентирована по линии север-юг). Колонны были покрыты штукатуркой, так же как и внутренние стены построек. Вслед за авторами раскопок мы не исключаем вероятности использования колонн Немрик IX в качестве несущих структур для поддержания крыши домов. Но допустимо и предположение об их символическом предназначении. В некоторых домах поздней стадии функционирования Немрик IX поверхность колонн, пола и стен сохранила следы цветной штукатурки – черной, красной и желтой [3, р. 357–359]. Помимо покрытых штукатуркой колонн, стен и пола интерьер состоял из предположительно спальных платформ, скамей и на позднем этапе – внутренних перегородок. Очаги в домах не выявлены, хозяйственная деятельность, как и приготовление пищи, судя по всему, осуществлялась на двух открытых пространствах поселения, поверхность которых на позднем этапе создавалась из булыжника. В Немрик IX погребения (черепов, скелетов или разрозненных их частей), коллективные и индивидуальные, располагались в заполнении разрушенных и покинутых домов или же под полами

действующих жилищ¹. Интересно, что от погребальной ямы оставляли отверстие, закрывавшееся сверху плоским камнем. Вероятно, такая конструкция могил и особенности их расположения должны были способствовать сохранению связей между живыми и умершими родственниками [Ibid., р. 360]. В позднейшем слое (переходном к PPNB времени) на южной границе поселения Немрик IX выявлен участок кладбища с индивидуальными захоронениями [5, р. 27].

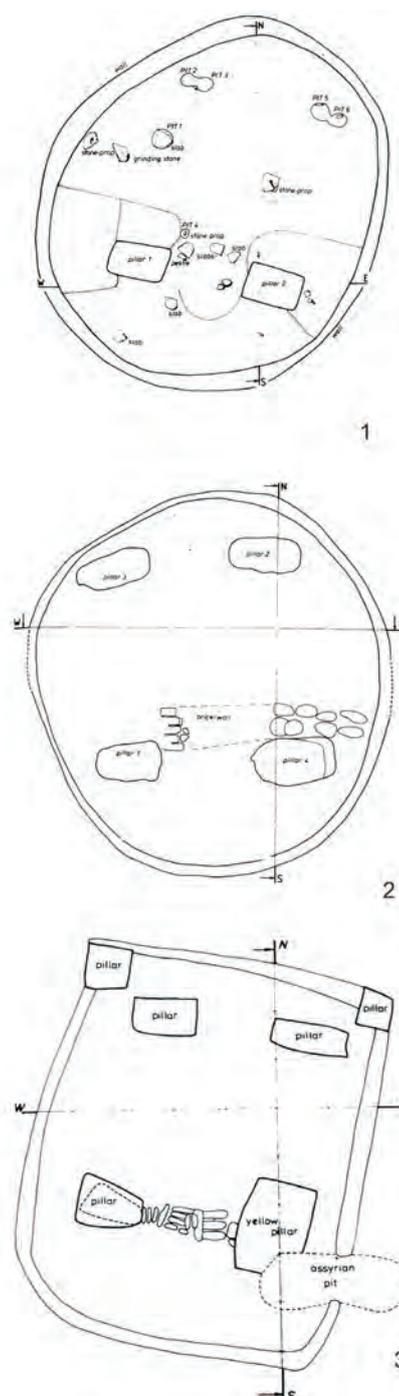

Рис. 3. Жилища Немрик IX, планы: 1, 2 – эпохи PPNA, 3 – эпохи PPNB (по: [3, fig. 4–6])

¹ В редких случаях в пространстве между домами.

Четверть века прошла с того времени, когда Т. Уоткинс высказал идею о возникновении концепта «дом» в смысле домашнего очага именно в Северной Месопотамии при переходе к неолиту, на этапе, соответствующем эпохе Хиам в Леванте. За этот период исследовано большое количество новых памятников. Анализ материалов показывает широкое распространение различных типов символически оформленных объектов на этапе перехода к неолиту, многочисленные свидетельства обрядовой деятельности, отражающие формирование новой идеологии и новых принципов осуществления культовых практик [6–8]; появление и функционирование разного рода символических систем, взаимодействовавших в рамках обширного информационного пространства с выделением крупных межплеменных культовых центров [9–13]. Закрепление представлений о доме как о домашнем очаге и особым образом правильно организованной во времени и пространстве структуре стало одним из важных аспектов новой, складывавшейся у ранне-неолитических сообществ картины мира [14].

Формирование в архитектурной традиции первых моделей жилищ долговременных поселений, а в общественном сознании концепта «дом», происходило в тесной взаимосвязи с другими процессами социальной, экономической, технологической и биологической адаптации в меняющихся природно-климатических условиях эпох позднего плейстоцена и раннего голоцена. Тогда осуществлялся постепенный переход к оседлости, совместному проживанию больших коллективов на конкретных территориях Плодородного полумесяца. Исходя из имеющихся на сегодня данных, вряд ли возможно *единственное* определение времени и места возникновения особого отношения к дому как к домашнему очагу, семантическому и пространственному центру в складывавшейся картине мира переходивших к оседлости сообществ Передней Азии. Происходило это на протяжении эпох эппалеолита и раннего докерамического неолита, очевидно, неединовременно и в различных областях Плодородного полумесяца со своими локальными особенностями².

² В данном случае интересно обратиться к материалам Охало II, памятника с высокой сохранностью органических остатков эпохи позднего палеолита – раннего эппалеолита (Израиль, 23 500 – 22 500 лет назад, даты кал.) [15; 16]. Охало II был обитаемым, очевидно, с перерывами, но уже вполне оформленным структурированным поселением, занимавшим территорию около 2000 м². Поселение состояло из хижин, сделанных из ветвей деревьев. Их интерьеры имеют признаки неоднократного восстановления и обновления в сохранявшемся порядке, в том числе после сожжения (не понятно, намеренного или нет) ранних построек. Сохранилось несколько уровней полов возводившихся на одних и тех же местах жилищ. Внутри домов определяются очаги, места с приспособлениями для приготовления пищи и спальные зоны. Мусор и

В более поздних работах Т. Уоткинс, рассматривая проблему появления архитектуры в связи с формированием новых представлений о мире у переходящего к неолитическому образу жизни населения Юго-Восточной Азии, затрагивает вопросы «доместикации» времени и пространства [14; 17; 18]. Ранее отмечалось, что «очеловечивание», «доместикацию» времени и пространства можно понимать не только как приспособляемость к ним, но и как их осмысление, интерпретацию, наделение знаковыми (символическими) свойствами, что, в свою очередь, очевидно, связано с проблемой ритма [19–22]. Одним из выражений ритмичного восприятия времени и пространства является архитектура, в том числе домашняя, при наполнении ее символическим содержанием.

Дома первых долговременных поселений времен эппалеолита и раннего PPNA (XI – первая половина X тыс. до н. э.) были круглоплановыми, в большинстве случаев углубленными в землю постройками, что наглядно демонстрирует их связь с кочевыми традициями возведения временных жилищ – шалашей и землянок, на также показывает актуализацию символа круга – окружности – емкости – углубления в качестве защищенного, освоенного, замкнутого пространства. В профанном отношении первые стационарные дома выполняли функции более основательно сооруженного по сравнению с временными жилищами, защищенного от внешних влияний ветра и осадков постоянного места жительства со всеми вытекающими возможностями: постоянными местами для сна, хранения различных объектов, разнообразной домашней деятельности, в том числе приготовления пищи, и т.д. Замкнутое пространство способствовало сохранению тепла. В ряде случаев на поселениях PPNA (например, в Мурейбит, Джерфель-Ахмар, Телль Карамель) в некоторых домах обна-

отходы размещали к востоку от хижин. На территории поселения имелись открытые участки с очагами, вероятно, использовавшиеся для совместного приготовления пищи. В пространстве между хижинами обнаружено захоронение взрослого мужчины. На памятнике зарегистрировано около 150 ботанических таксонов и несколько десятков тысяч семян трав и других растений, включая образцы дикой пшеницы и ячменя. Обнаружены большие терочные камни. На поверхности одного из них, заглубленного в пол Хижины I, имеются следы крахмала от растирания зерновых. Наличие и состав запасов растительной пищи свидетельствуют о том, что люди жили на данном поселении в течение нескольких месяцев как в летнее время, так и зимой. Анализ совокупности растительных и животных остатков показывает, что поселение могло использоваться в течение всего года. Тем не менее фиксируются перерывы в его заселении. В случае с Охало II мы, очевидно, имеем дело с довольно ранним примером переходного варианта места обитания коллектива людей от сезонной временами посещаемой стоянки к постоянному долговременному поселению. И в данном случае уже имеются признаки особого отношения жителей к дому и поселению в целом.

ружены следы очагов [23–25]. Однако более характерным для времен эпипалеолита и периода PPNA было расположение очагов за пределами жилищ. Противопоставление внутреннего домашнего и внешнего освоенного пространства, в том числе в границах поселения, прежде всего отмечается тем, что различного рода масштабная хозяйственная деятельность, а также хранение общих запасов и общественные собрания (сопровождавшиеся коллективными обрядами и пиршествами) проходили на специально отведенных и оформленных для этого местах за пределами жилищ, иногда в специальных сооружениях общественного значения (см., например, материалы Халлан Чеми, Чайоню Тепеси, Кёргык Тепе, Телль Карамеля, Джерф эль-Ахмара, Гёбекли Тепе [9; 13; 23; 25–35]).

В ряду бинарных оппозиций архаичного сознания, как отмечают антропологи, этнографы, культурологи [36, с. 230–233; 37; 38, с. 283], дом включается в цепочку ассоциаций с *закрытым пространством, пещерой, сосудом, могилой, черепом, женщиной, смертью, зачатием, рождением* и пр.; *внешний мир* – с *открытым пространством, дорогой, орудием, оружием, конечностями, мужчиной, активными действиями* и пр. Материалы древнейших стационарных домов Северной Месопотамии переходной к неолиту эпохи во многом подтверждают эти определения.

На этапе становления неолита при всем разнообразии имеющихся свидетельств в рассматриваемом регионе прослеживается несколько общих тенденций сакрального отношения к жилищу, которые, зародившись в эпипалеолите, претерпевая в той или иной мере определенные трансформации, далее сохраняли свою актуальность на протяжении тысячелетий.

Первое, на что стоит обратить внимание, – это функционирование и восприятие дома как части общего жилого освоенного конкретным коллективом пространства, т.е. поселения. Причем судя по данным широко и подробно исследованных памятников, с течением времени эта характеристика проявляется все более отчетливо – пространство поселений упорядочивается, приобретая следующую определенную логику структуру [3; 4; 23; 30; 31; 39]. Соответствующее расположение и оформление дома в контексте общей планировки, с одной стороны, фиксирует прочные социальные связи, поддержание групповой идентичности и единства коллектива общинников, а с другой – отражает формирование образа идеальной модели дома в складывавшейся картине мира переходивших к оседлости групп охотников и собирателей.

Следующие характеристики демонстрируют особое обращение с домом. Как правило, это соблюдавшаяся преемственность места при возведении жилых построек, регулярное их обновление (ремонт или полная замена старых конструкций на новые), поддержание порядка в доме, в ряде случаев цветное покрытие внут-

ренних структур жилища, наличие других декоративных элементов. На некоторых поселениях (см., например, вышеприведенные материалы Кермез Дерэ и Немрик IX, данные Чайоню Тепеси и Джерф эль-Ахмара [23, р. 136; 30, р. 44, 46]) сохранились свидетельства традиции специального разрушения, в том числе пожаром, засыпания камнями покидаемых домов.

Подробнее стоит остановиться на обычае совершения захоронений под полами домов и рядом с домами в жилой части поселения. Для рассматриваемого периода и региона характерны сложность и большое разнообразие в погребальном обряде, в том числе использование первичных и вторичных захоронений, захоронения с инвентарем и без, индивидуальные и коллективные, расчленение скелетов, отдельное погребение их частей, очистка костей от мягких тканей, иногда покрытие костей глиняной обмазкой или охрой, выставление, а также совместное или отдельное погребение черепов и иные манипуляции с останками (из последних публикаций на эту тему см., например, [40; 41]). Данные традиции, реконструируемые по материальным остаткам многих ранненеолитических поселений Северной Месопотамии³, сложными и многоэтапными ритуальными действиями, совершавшимися с телами умерших родственников, очевидно, закрепляли восприятие семьи (и в масштабах поселения – общины) как устойчивого во времени и пространстве межпоколенного образования, связанного с местом своего обитания и местом обитания предков.

Таким образом, ритуальное освящение жилищ, наполнение их сакральным содержанием происходило через включение этих построек в освоенное пространство поселений, сохранение осязаемых связей с местом возведения и устройством предшествовавших домов, проведение обрядов обустройства, обновления и погребения самих строений, а также в большинстве случаев через захоронение в их границах или рядом умерших родственников. Распространение среди погребальных практик докерамического неолита вторичных захоронений, разделения на части скелетов и тел умерших, очищения костей от мягких тканей, их отдельного или совместного в различных комбинациях погребения, в том числе под полами жилищ, близко перекликается с идеей жертвоприношения, совершение которого было направлено на обеспечение благополучия, плодородия и устойчивость мироздания [41].

³ Мурейбит, Немрик IX, Кермез Дерэ, Телль Карамель, Кёргык Тепе, Чайоню Тепеси, Невали Чори и др. Тем не менее стоит отметить, что, например, на раскапывавшихся участках Халлан Чеми [27; 28] и Джерф эль-Ахмара обычные погребения не обнаружены. Несмотря на большой объем исследованной территории поселения (площадь – 1200 м², стратиграфия – 11 уровней) в Джерф эль-Ахмаре человеческие останки были встречены только в контексте свидетельств ритуалов строительства и погребения общественных зданий специального назначения EA 7 и EA 30 [23; 33; 39; 41].

Кроме того, весьма сложный, многоэтапный, фактически незавершенный процесс взаимодействия с останками умерших на территории ранних оседлых поселений Передней Азии демонстрирует яркий зафиксированный материальными свидетельствами пример проявления мировоззренческой категории *незавершенности* в ритуалах переходного к неолитическому образу жизни времени. Анализируя сохранившиеся глубинные архаические пласты этнографические материалы более поздних земледельческих культур, А. К. Байбурун приходит к выводу, что обязательная незавершенность в ритуалах календарного и жизненного циклов связывалась с идеями поддержания существующего положения, стабильности миропорядка, его неуничтожимости. Синонимичными идее незавершенности оказываются представления о продолжении жизни, вечности, бессмертии, т.е. всего того, что обеспечивает существование коллектива не только в настоящем, но и в будущем [42, с. 92–95]. Можно согласиться с А. К. Байбуриным в том, что ритуал строительства относится скорее к обрядам жизненного цикла, нежели к окказиональным ритуалам. Кроме того, похороны входят в «сценарий» жизни, и для похоронного обряда, пожалуй, как ни для какого другого, актуальна символика продолжения жизни, согласующаяся с категорией «незавершенного» [там же, с. 94]⁴.

Отметим также, что устройство погребений в границах домов или рядом с ними, размещение самих жилищ, построенных и функционировавших по образцу идеальной модели, в организованных пространствах поселений, которые, в свою очередь, функционировали в контексте действовавших на региональном уровне сложных символических систем, соответствует хорошо известному в этнографии, фольклоре, других областях культуры принципу вкладывания одного ритуального символа в другой⁵. Символическое совмещение образов *человека – дома – поселения – Космоса*, их понимание как структур взаимосвязанных, упорядоченных и действующих определенными циклами, судя по всему, играло значительную роль в сакральном восприятии дома его обитателями. Жилище в процессе строительства,

⁴ В материалах эпилеолита и раннего неолита Передней Азии наиболее выразительно эта характеристика проявляется в многовариантных примерах посмертного обращения с человеческими черепами – верхней и главной частью тела человека. Моделирование черепов, покрытие их охрой, выставление наверху, над поверхностью земли в специально определенных для этого местах (например, в покинутых домах Кермез Дерэ или «Доме черепов» Чайоню), другие сложные манипуляции наглядно демонстрируют символический акт «воскрешения».

⁵ Сравнить с приемом «*space in space*» в архитектуре, ступенчатым сужением образа в фольклорных текстах и многими другими проявлениями этого по сути универсального принципа построения текстов [22, с. 164–165].

обновления и погребения, совершения в его пределах захоронений, другими ритуальными действиями включалось во все актуальные для существовавшей модели мира содержательные схемы, и прежде всего в схему микрокосмос–макркосмос.

Как стало понятно благодаря раскопкам конца XX – начала XXI в., на территории Северной Месопотамии в эпоху PPNA помимо ранних стационарных поселений также функционировали долговременные межплеменные ритуальные центры с выдающейся монументальной архитектурой, скульптурой, рельефами, другими свидетельствами масштабной символической деятельности. Строителями и почитателями этих надобщинных святыщ регионального значения были жители ранних поселений округа, а также, вероятно, группы, ведущие кочевой образ жизни в границах данной области. Скопление большого количества коллективов, в том числе начавших переходить к оседлости, на территории отдельных районов Плодородного полумесяца в меняющихся природно-климатических условиях переходной от плейстоцена к голоцену эпохи приводило к нарастанию социальной напряженности. Такие центры, регулируя отношения между группами людей посредством осуществления ими совместной ритуальной и иной символической деятельности, стали одним из важных проявлений механизмов поведенческой адаптации населения в условиях отмеченного вызова. Межплеменные святыща, помимо сакральных, могли выполнять различные профанного содержания функции, решать «прагматические» задачи: служить пунктами для обмена информацией, дарами, техническими и иными знаниями, регулировать вопросы использования территории и ресурсов, а также создания брачных систем, работавших на обеспечение биологической безопасности населения (подробнее см., например, [11]).

В данном случае речь прежде всего идет о расположенном изолированно в горах (370 м над уровнем соседней долины Харран, 780 м над уровнем моря) выдающемся комплексе Гёбекли Тепе (PPNA, ранний и средний PPNB), телле с несколькими вершинами, полевые исследования которого осуществляются с 1995 г.⁶ Доминирующее топографическое положение,

⁶ Результаты разведок 2000 и 2011 гг. на Карахан Тепе, находящемся в 63 км к востоку от современного г. Шанлыурфа (Юго-Восточная Турция), выявили свидетельства докерамического неолита. Среди символических объектов зафиксировано 266 Т-образных известняковых столба, определенных, главным образом, в положении *in situ* по их вершинам, выступающим на 50–60 см из земли. Некоторые из уже раскопанных стел оказались украшены зооморфными и антропоморфными рельефами [43]. Время стационарных исследований этого замечательного памятника, а соответственно и более подробных знаний о нем, пока не наступило. Нельзя исключать возможности открытия и других еще не известных культовых центров эпохи докерамического неолита.

удаленность от источников воды, поразительная концентрация искусно созданных мегалитических символически оформленных объектов архитектуры и скульптуры при скудости остатков ординарной домашней жизнедеятельности подтверждают исключительный характер этого места. Наиболее монументальные и выразительно оформленные структуры происходят из древнейшего слоя III, где сейчас исследуется несколько больших круглоплановых сооружений ($d = 10\text{--}30$ м)⁷. Для этих конструкций характерно расположение в низинах между вершинами телля, отсутствие очагов внутри, особая обработка и оформление полов – *terrazzo*⁸, в ряде случаев зафиксировано их углубление в скалистую породу. В них два мощных стоящих в центре Т-образных столба (высота иногда достигает 5,5 м) окружены примыкающими к стене и часто вмурованными в каменную скамью, проходящую по периметру всего помещения, несколькими подобными меньших размеров столба-

ми (рис. 4). Многие из этих стел оказались покрыты сложными рельефами [9; 12; 26; 35; 44]. К. Шмидт подчеркивает, что Т-образные столбы являлись главными объектами святилищ, тем, ради чего создавались монументальные строения Гёбекли Тепе [12, S. 116]. Более поздний слой II характеризуется наличием прямоугольных менее грандиозных конструкций иногда с одной или двумя парами центральных стел (высота – около 1–2 м), и в редких случаях – пилястрами, стелами, примыкающими к стенам. Авторы раскопок отмечают, что с течением времени структуры перестраивались, полы показывают неоднократные обновления *terrazzo* покрытия. Культовые строения Гёбекли Тепе по завершении периода функционирования подвергались весьма трудозатратному ритуалу погребения. Помимо прочего, в материалах засыпки сохранились свидетельства проведения коллективных пиршеств [35; 44].

Рис. 4. Гёбекли Тепе, вид сверху на главный участок раскопа, фотография (по: [35, fig. 2])

⁷ Сооружения А-Ф, Н и др. С 2003 г. на памятнике проводятся геофизические исследования. Они показали, что площадь Гёбекли Тепе (диаметр комплекса – около 300 м) скрывает в себе не менее 20 мегалитических круглоплановых сооружений. Предполагается открытие более 200 известняковых стел, многие из которых будут покрыты рельефами [12, S. 226; 35; 44].

⁸ Оформление полов в технике терраццо (выравнивание поверхности, покрытие ее специально подобранными камнями, заливка гашеной известью, полировка, иногда окраска) характерно для общественных зданий культового назначения этого периода. В Северной Месопотамии выявлено также в «храмах» Чайоню Тепеси и Невали Чори.

При сопоставлении материалов культовых сооружений межплеменного ритуального центра Гёбекли Тепе и жилищ древнейших долговременных поселений Северной Месопотамии сложно не заметить наличия некоторых общих черт в особенностях их обустройства: углубленное расположение, круглоплановость, отсутствие внутренних очагов и перегородок. По отношению к обоим типам построек осуществлялись ритуалы обновления и ритуалы жизненного цикла, включая погребальный, что в семантическом отношении их сближает.

В предыдущих работах нами обосновывалась точка зрения о том, что структуры Гёбекли Тепе и подобные им общественные строения, которые на специальных участках ординарных поселений Северной Месопотамии появятся уже на переходном от PPNA к PPNB этапе, строились и функционировали, судя по всему, как *жилища* божеств. Присутствие в этих *домах* хозяев обеспечивалось монолитными особым образом оформленными антропоморфными стелами, во многих случаях имевшими и зооморфные черты [13, р. 95; 33, с. 72–74; 45].

Идея *оседлости*, материально наиболее явно воплощаемая функционированием *жилищ на долговременных поселениях*, была, очевидно, столь важна для сознания людей переходной к неолиту эпохи, что, в частности, на территории Северной Месопотамии, помимо прочего, она впечатляющим образом стала реализовываться через строительство масштабного святилища/святилищ в виде *особого поселения* с монументальными *домами божеств*, покровителей окружающей местности и коллективов, на ней обитавших. Ритуалы, связанные со строительством, функционированием, погребением *домов божеств* в Гёбекли Тепе, начинают осуществляться коллективами охотников и собирателей округи синхронно периоду возникновения их первых долговременных поселений.

III слой Гёбекли Тепе, главным образом, совпадает по времени с представленными выше материалами жилищ Кермез Дерэ и Немрик IX. Возможно, в этих населенных пунктах парные колонны в жилищах обозначали сверхъестественных покровителей конкретных семей. Для большинства других поселений Северной Месопотамии этапа PPN наличие отдельно стоящих парных колонн в центральной части жилищ нетипично. Проявившись на поселениях этапа PPNA в Кермез Дерэ и Немрик IX в виде парных колонн, располагавшихся в центральной части жилищ, в Халлан Чеми, Мурейбите, Джерф эль-Ахмаре в виде пилястр и разделительных перегородок⁹ ранних общественно значимых сооруже-

ний, имевших особое социальное и экономическое значение, обычай установления стел/пилястр по периметру и/или в центральной части общественных сооружений культового назначения в населенных пунктах Северной Месопотамии станет распространенным при переходе к PPNB времени (Джерф эль-Ахмар, Телль Абр, Чайоню, Невали Чори и др.).

Многие важные изменения в архитектуре, а также в других сферах функционирования ранне-неолитических жилищ и поселений Северной Месопотамии приходится на вторую половину PPNA – начало PPNB. Для некоторых евфратских поселений рассматриваемого региона (Мурейбит, Джерф эль-Ахмар, Телль Абр, Джада) к концу PPNA – началу PPNB процесс культивирования становится распространеннейшей практикой, и основные сельскохозяйственные культуры, включая ячмень, полбу, двузернянку и бобовые, здесь активно используются [46]¹⁰. В материалах Юго-Восточной Турции признаки культивирования растений отмечаются на полтысячелетия позже, уже на этапе PPNB – свидетельства Невали Чори, Чайоню Тепеси, Кафер Хююка и др. [47; 48].

Время PPNB, середина IX – середина VIII тыс. до н. э., характеризуется утверждением производящих форм хозяйства и распространением прямоугольной архитектуры. Последнее, очевидно, было связано как с накоплением опыта совместного проживания больших коллективов, развитием технологических инноваций в строительстве, так и с усложнением социальной структуры общества на фоне демографического роста. Наличие устойчивых архитектурных приемов, а также сменявшихся тенденций в строительстве жилищ переходного от PPNA к PPNB времени и на протяжении PPNB фиксируется материалами Джерф эль-Ахмар, Чайоню Тепеси, Невали Чори, Кафер Хююк, Немрик IX и других поселений.

Постепенно от уровня к уровню приобретая прямоугольные планы и наземное расположение, жилища PPNB увеличиваются в размерах, упорядочивается ориентировка, выделяются их отдельные устойчивые элементы в горизонтальной плоскости (стандартная многокомнатная планировка) и по вертикали (появляется фундамент, подпольное зачастую сложно организованное пространство), отмечается специализация конкретных частей и уровней этих сооружений. В том числе внутри жилищ появляются специальные помещения для хранения запасов и домашней хозяйственной, а также производственной деятельности (рис. 5).

⁹ Об их символическом значении свидетельствуют жертвенные заклады и другие особенности данных структур, выявляемые при контекстном анализе источников [23; 45].

¹⁰ Предполагается, что в данном районе выращивание растений начало практиковаться еще в эпоху эпипалеолита, о чем дают возможность судить материалы Абу Хурейры I [46].

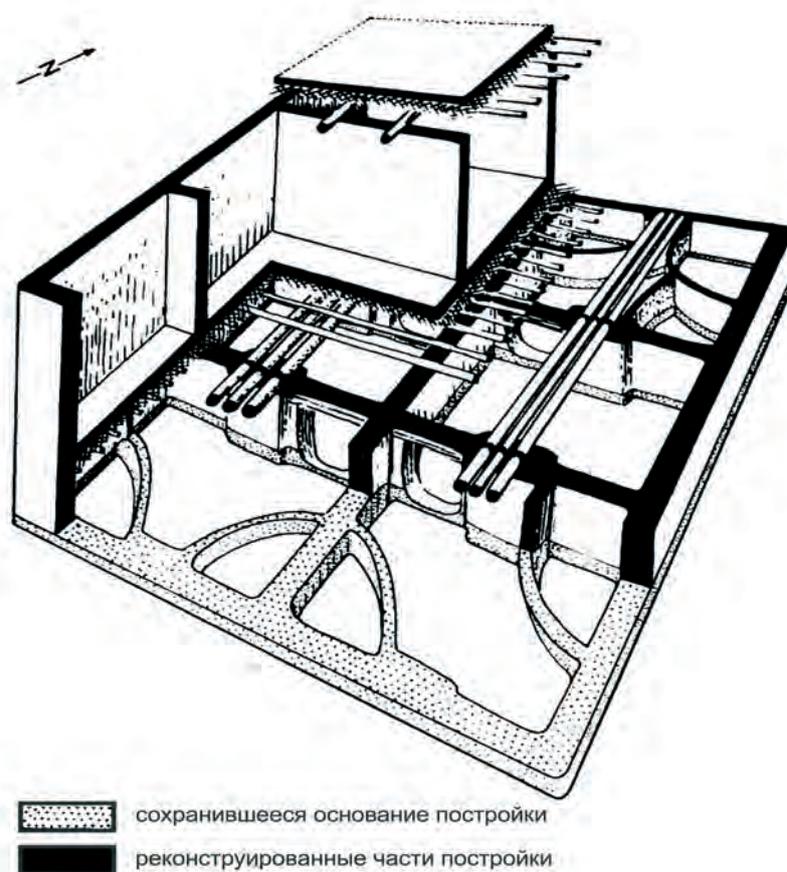

Рис. 5. Кафер Хююк Восточный. Реконструкция дома уровня VII, эпоха MPPNB (по: [49, fig. 11b])

Высказывалось мнение, что переход от устройства общественных хранилищ на территории поселений за границами жилищ в эпоху PPNA и EPPNB к хранилищам внутри жилых построек на этапах LPPNB, PPNC произошел в связи с изменением системы собственности. Зернохранилища, вероятно, перестают быть коллективными и переходят во владение отдельных домохозяйств [50].

Расположение, планировка и размеры домов в течение PPNB от уровня к уровню могли сильно меняться, при этом отмечается единство и логика в организации поселения на отдельных этапах его существования. Жилые постройки конкретных строительных горизонтов были возведены по похожему плану с использованием одних и тех же строительных материалов и технических приемов, сохраняя в большинстве случаев единую ориентацию, продуманно вписываясь в общую картину поселения, где присутствовали также общественно важные сложные в исполнении и требующие коллективных усилий сооружения. То есть индивидуальные интересы отдельных домохозяйств, судя по всему, взвешенно сочетались с задачами коллектива. Архитектура в данном случае фиксирует существование механизмов регулирования и принятия решений на уровне общины, а также на-

личие определенной автономии на уровне отдельных домохозяйств.

Усложнение поселенческой структуры в целом повторяет представленный сценарий изменений в строительстве отдельных жилищ: совершенствование технологических приемов строительства, увеличение занимаемой площади, упорядочивание пространства, специализация отдельных участков и появление новых элементов. Устройство погребений в жилой части поселения, как отмечалось, было характерно на протяжении всей эпохи докерамического неолита. Однако в слоях переходного PPNA/PPNB времени и раннего PPNB на отдельных памятниках фиксируется появление специальных участков с захоронениями: кладбище Немрик IX; остатки 25 захоронений в границах и в непосредственной близости от монументального строения Телль Карамеля, интерпретируемого авторами раскопок как «святилище / общественный дом» [25]. К этому же периоду относится начало функционирования специального сооружения общественного назначения для проведения сложных манипуляций с останками умерших и совершения погребальных обрядов на Чейоню Тепеси, «Дома черепов» с останками более 400 человек. Такие данные конкретных поселений демонстрируют перене-

сение части важных сакральных функций от жилищ как мест для захоронения родственников к отдельно расположенным и специально обустроенным местам коллективного осуществления погребальных обрядов.

Похожие тенденции проявляются в создании, как правило, на краю поселений монументальных культовых строений общественного назначения, не связанных с захоронениями. Их структура схожа с конструкциями «домов божеств» Гёбекли Тепе. Распространение традиции строительства такого типа общественных построек на долговременных поселениях Северной Месопотамии в подавляющем большинстве случаев фиксируется поздним этапом PPNA и переходом к PPNB, о чем свидетельствуют раскопки Джерф эль-Ахмара, Телль Абра, Чайоню Тепеси, Невали Чори и др.

Крайне интересно, что эти общественные сооружения, особенно в своих ранних вариантах строительства, воспроизводят основные черты архаичных жилищ – круглоплановых, углубленных в землю, с одним помещением, тогда как современные им жилые дома уже трансформировались в многокомнатные, наземные, субпрямоугольные или прямоугольные в плане, что отмечается на ряде поселений, в частности наглядно представлено материалами соответствующих слоев Джерф эль-Ахмара (рис. 6). Вместе с тем, как это видно из опубликованных планов последовательно существовавших стадий ранненеолитического поселения Чайоню Тепеси [31, fig. 6–8, 14–15, 31–36], возможно, не случайно место для функционирования комплекса культовых строений общественного назначения в эпоху PPNB выбирается именно на территории основания первых жилых сооружений еще PPNA времени [13; 33]. Отмеченные характеристики показывают особое отношение к месту возведения первых домов на Чайоню, а также фиксацию в памяти коллективов образа архаичного жилища в значении закрытое/защищенное пространство, пещера, утроба, укрытие, семантический центр мироздания с перенесением этого значения на культовые постройки особого типа уже более позднего времени. Как известно, сохранение и намеренная консервация традиции активно используется в сакральной сфере и служит одним из маркирующих элементов для выделения священного пространства. Материальные источники фиксируют родство, определенное семантическое тождество культовой разных этапов и различных уровней общественного значения архитектуры PPN с древнейшей домашней архитектурой Северной Месопотамии эпохи перехода к неолиту.

Анализ доступных свидетельств показывает, что на раннем этапе формирования традиции строительства и функционирования постоянных жилищ первых долговременных поселений разделение их внутреннего пространства на зоны профанного и сакрального предназначения проследить довольно сложно. Воспри-

ятие жилища в этот период, судя по всему, было синкретичным. Именно тогда в общественном сознании формировалась модель восприятия дома как домашнего очага, совмещавшего в себе черты профанного и сакрального, как органичного явления, имеющего свое начало, сезоны обновления, периоды развития и конец. В профанных, практических сферах, а также семантически жилище было связано с населявшими его людьми, поселением, надобщинным ритуальным центром/центрами, т.е. Космосом¹¹ в целом.

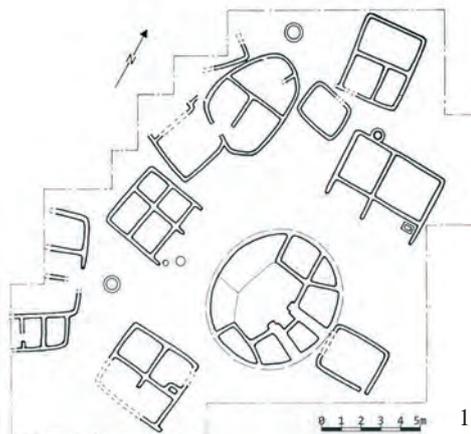

Рис. 6. Джерф эль-Ахмар, Западный холм, уровень II: 1 – план; 2 – фотография в процессе раскопок (по: [39, fig. 4])

С течением времени развитие неолитического образа жизни во всех его проявлениях приводило к изменениям, усложнению структуры и функций жилищ ранненеолитических поселений Северной Месопотамии. Можно отметить увеличение бытовых, рациональных функций в пространстве жилых домов

¹¹ Понимаемым как целостная, упорядоченная, организованная в соответствии с определенным законом (принципом) вселенная. В мифологических системах Космос противопоставляется Хаосу [51].

позднего PPNA и PPNB периодов, т.е. расширение их профанного контекста. Предназначение дома как составной символически значимой структуры мироздания и как места проведения семейных обрядов, в частности жизненного цикла или хозяйственных, производственных, охранительных на уровне конкретных домохозяйств, за жилищами сохраняется. Об этом свидетельствуют проявляющийся в архитектуре, но не только принцип вкладывания одного символа в другой; нахождение в жилом пространстве небольших символически значимых объектов, например, антропо- и зооморфных фигурок, печатей, штампов; сохранение на многих поселениях практики погребения умерших под полами домов; возведения жилых построек на местах их предшественников и прочее. Сакральными центрами в масштабах поселения к тому времени становятся специализированные сооружения общественного назначения, в которых коллективно осуществлялись наиболее значимые для всей общины культовые практики. По ряду признаков эти сооружения, особенно на ранних стадиях своего существования, воспроизводили образ идеальной модели архаичного жилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Watkins T.* The Origins of House and Home? / T. Watkins // *World Archaeology*. – 1990. – Vol. 21, № 3. – P. 336–347.
2. *Watkins T.* The Beginning of the Neolithic : Searching for Meaning in Material Culture Change / T. Watkins // *Paléorient*. – 1992. – Vol. 18, № 1. – P. 63–76.
3. *Kozłowski S. K.* Architecture of the Pre-Pottery Neolithic Settlement in Nemrik, Iraq / S. K. Kozłowski, A. Kempisty // *World Archaeology*. – 1990. – Vol. 21, № 3. – P. 348–362.
4. *Kozłowski S. K.* Nemrik. An Aceramic Village in Northern Iraq. With Preface by Olivier Aurenche / S. K. Kozłowski. – Warsaw, 2002.
5. *Kozłowski S. K.* Nemrik 9, A PPN Neolithic site in Northern Iraq / S. K. Kozłowski // *Paléorient*. – 1989. – Vol. 15, № 1. – P. 25–31.
6. *Cauvin J.* Naissance des divinités, naissance de l'agriculture / J. Cauvin. – Paris, 1994.
7. *Verhoeven M.* Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia / M. Verhoeven // *Cambridge Archaeology Journal*. – 2002. – Vol. 12, № 2. – P. 233–258.
8. *Verhoeven M.* Transformations of Society : the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia / M. Verhoeven // *Paléorient*. – 2002. – Vol. 28, № 1. – P. 5–14.
9. *Schmidt K.* Frühneolithische Tempel Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens / K. Schmidt // *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*. – 1998. – № 130. – S. 17–49.
10. *Корниенко Т. В.* «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита / Т. В. Корниенко // *Вестник древней истории*. – 2002. – № 2. – С. 92–114.
11. *Dialogue on the Early Neolithic Origin of Ritual Centers // Neo-Lithics : The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. – 2005. – № 2. – P. 3–53.
12. *Schmidt K.* Sie bauten die ersten Tempel : das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger : die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe / K. Schmidt. – München, 2006.
13. *Kornienko T. V.* Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period / T. V. Kornienko // *Journal of Near Eastern Studies*. – 2009. – Vol. 68, № 2. – P. 81–101.
14. *Watkins T.* Building houses, framing concepts, constructing worlds / T. Watkins // *Paléorient*. – 2004. – Vol. 30, № 1. – P. 5–24.
15. *Nadel D.* New subsistence data and human remains from the earliest Levantine Epipalaeolithic / D. Nadel, I. Hershkovitz // *Current Anthropology*. – 1991. – Vol. 32. – P. 631–635.
16. *Snir A.* Plant-food preparation on two consecutive floors at Upper Paleolithic Ohalo II, Israel / A. Snir, D. Nadel, E. Weiss // *Journal of Archaeological Science*. – 2015. – Vol. 53. – P. 61–71.
17. *Watkins T.* Architecture and the symbolic construction of new worlds / T. Watkins // *Domesticating Space : Construction, Community, and Cosmology in the Late Prehistoric Near East*. – Berlin, 2006. – P. 15–24.
18. *Watkins T.* Ordering time and space : Creating a cultural world / T. Watkins // *Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. – Madrid, 2009. – P. 647–659.
19. *Гинзбург М. Я.* Ритм в архитектуре / М. Я. Гинзбург. – М., 1923.
20. *Leroi-Gowhan A.* Le Geste et la Parole, tome 2 : La mémoire et les rythmes / A. Leroi-Gowhan. – Paris, 1965.
21. *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха / В. Н. Топоров // *Ранние формы искусства*. – М., 1972. – С. 77–104.
22. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин. – СПб., 1993.
23. *Stordeur D.* Organisation de l'espace construit et organisation sociale dans le Néolithique de Jerf el Ahmar (Syrie, Xe-IXe millénaire av. J.-C) / D. Stordeur // *Habitat et Société, XIXe Rencontres Internationales et d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes*. – Antibes, 1999. – P. 131–149.
24. *Molist M.* Foyers et fours du site de Mureybet / M. Molist // *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord). En hommage a Jacques Cauvin. (BAR International Series, 1843)*. – Oxford, 2008. – P. 95–101.
25. *Mazurowski R. F.* Architecture / R. F. Mazurowski, M. Biatowarczuk, K. Januszek // *Tell Qaramel 1999–2007*. – Warsaw, 2012. – P. 34–59.
26. *Schmidt K.* Göbekli Tepe / K. Schmidt // *The Neolithic in Turkey. The Euphrates basin*. – Istanbul, 2011. – P. 41–83.

27. Rosenberg M. Hallan Çemi / M. Rosenberg // Neolithic in Turkey : the Cradle of Civilization : New Discoveries. – Istanbul, 1999. – P. 25–33.
28. Rosenberg M. Hallan Çemi / M. Rosenberg // The Neolithic in Turkey. The Tigris basin. – Istanbul, 2011. – P. 61–78.
29. Rosenberg M. Hallan Çemi and Early Village Organization in Eastern Anatolia / M. Rosenberg, R.W. Redding // Life in Neolithic Farming Communities : Social Organization, Identity, and Differentiation. – New York, 2000. – P. 39–61.
30. Özdoğan A. Çayönü / A. Özdoğan // Neolithic in Turkey : the Cradle of Civilization : New Discoveries. – Istanbul, 1999. – P. 35–64.
31. Özdoğan A. Çayönü / A. Özdoğan // The Neolithic in Turkey. The Tigris basin. – Istanbul, 2011. – P. 185–269.
32. Stordeur D. Le village de Jerf el Ahmar (Syrie, 9500–8700 avant JC). L'architecture, miroir d'une société complexe / D. Stordeur. – Paris, 2015.
33. Корниенко Т. В. Первые храмы Месопотамии / Т. В. Корниенко. – СПб., 2006.
34. Özkaya V. Körtik Tepe / V. Özkaya, A. Coşkun // The Neolithic in Turkey : The Tigris basin. – Istanbul, 2011. – P. 89–127.
35. Dietrich O. The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities. New evidence from Gobekli Tepe, south-eastern Turkey / O. Dietrich, M. Heun, J. Notroff, K. Schmidt, M. Zarnkow // Antiquity. – 2012. – Vol. 86. – P. 674–695.
36. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М., 1976.
37. Gamble C. Kinship and material culture : Archaeological implications of the human global diaspora / C. Gamble // Early human kinship : From sex to social reproduction. – Oxford, 2008. – P. 27–40.
38. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992) / Ю. М. Лотман. – СПб., 2010.
39. Stordeur D. Du PPNA au PPNB : mise en lumière d'une phase de transition à Jerf el Ahmar (Syrie) / D. Stordeur, F. Abbès // Bulletin de la Société préhistorique française. – 2002. – Vol. 99, № 3. – P. 563–595.
40. Erdal Y. S. Bone or Flesh : Defleshing and Post-Depositional Treatments at Körtik Tepe (Southeastern Anatolia, PPNA Period) / Y. S. Erdal // European Journal of Archaeology. – 2015. – Vol. 18, № 1. – P. 4–32.
41. Kornienko T. V. On the problem of human sacrifice in Northern Mesopotamia in the pre-pottery Neolithic / T. V. Kornienko // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2015. – Vol. 43. – № 3. – P. 42–49.
42. Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурун. – Л., 1983.
43. Çelik B. Karahan Tepe : a new cultural centre in the Urfa area in Turkey / B. Çelik // Documenta Praehistorica. – 2011. – Vol. XXXVIII. – P. 241–253.
44. Dietrich O. Preliminary Report on the 2012 and 2013 Excavation Seasons / O. Dietrich, Ç. Köksal-Schmidt, J. Notroff, C. Kürkcüoğlu, K. Schmidt // Neo-Lithics : The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. – 2014. – № 1. – P. 11–17.
45. Корниенко Т. В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита : предварительный обзор / Т. В. Корниенко // Археологические вести. – 2011. – Вып. 17. – С. 70–95.
46. Willcox G. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria / G. Willcox, R. Vuxo, L. Herveux // The Holocene. – 2009. – Vol. 19, № 1. – P. 151–158.
47. Willcox G. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia / G. Willcox // Science. – 2013. – Vol. 341, № 6141. – P. 39–40.
48. Willcox G. Botanical evidence for the adoption of cultivation in southeast Turkey / G. Willcox, M. Savard // The Neolithic in Turkey, new excavations and new research. Vol. 2. – Istanbul, 2011. – P. 267–280.
49. Cauvin J. The Pre-Pottery Site of Cafer Höyük / J. Cauvin, O. Aurenche, M.-C. Cauvin, N. Balkan-Atli // The Neolithic in Turkey. The Euphrates basin. – Istanbul, 2011.
50. Kuijt I. Home is where we keep our food : The Origins of Agriculture and visibility of Late Pre-Pottery Neolithic food storage / I. Kuijt // Paléorient. – 2012. – Vol. 37, № 1. – P. 123–135.
51. Топоров В. Н. Космос / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1992. – С. 9–10.

Воронежский государственный педагогический университет

Корниенко Т. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории

E-mail: zigzina@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 272-73-65; 8-980-240-40-46

Voronezh State Pedagogical University

Kornienko T. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the International History Department

E-mail: zigzina@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 272-73-65; 8-980-240-40-46